

ответов ничего не менять, содержательные предложения связаны прежде всего с правами, образованием и более справедливой организацией семейной жизни.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что трансформация представлений о семье и семейных ценностей молодых женщин Республики Таджикистан не сводится к прямому отказу от традиций. Повышение уровня образования и миграционный опыт входят в число факторов изменений представлений о семье и семейных ценностях у участниц; большинство участниц поддерживает гибкие и партнерские модели семьи; традиционные установки сохраняются наряду с современными установками; интернет, урбанизация и образование воспринимаются как значимые факторы трансформации; роль религии оценивается неоднородно. Изменение семейных ценностей носит постепенный и противоречивый характер.

Литература

1. Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Национальной стратегии активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы» URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj209955.pdf> (дата обращения 30.05.2026).
2. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. 367 с.
3. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. 270 с.
4. Olson D. H. Families: What Makes Them Work / D.H. Olson, H.I. McCubbin, J. Patterson [et al.]. New York, 1983. 320 p.

ИНТЕГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Юдина Т. Н., Москва (Россия)

Аннотация. Рассматривается социокультурная интеграция трудовых мигрантов из семи постсоветских государств в России. На материалах опроса 826 мигрантов, проведённого в Москве и Московской области в декабре 2025 — марте 2026 г., сопоставлены языковые ресурсы, локальное участие, межгрупповые контакты, культурное взаимодействие и долгосрочные ориентации. Установлено, что эти измерения развиваются несинхронно: высокие языковые самооценки и ориентация на закрепление сочетаются с ограниченным участием в жизни местного сообщества.

Принадлежность страны происхождения к ЕАЭС сама по себе не определяет повседневную включённость. Обоснована необходимость сочетать правовые механизмы мобильности с локальной инфраструктурой участия и поддержкой письменной грамотности.

Ключевые слова: трудовая миграция, социокультурная интеграция, постсоветское пространство, ЕАЭС, принимающее общество.

INTEGRATION OF LABOR MIGRANTS FROM POST-SOVIET COUNTRIES INTO THE SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN SOCIETY: THE EURASIAN CONTEXT

Yudina T. N., Moscow (Russia)

Abstract. *The paper examines the sociocultural integration of labor migrants from seven post-Soviet countries in Russia. Drawing on a survey of 826 migrants conducted in Moscow and the Moscow Region between December 2025 and March 2026, it compares language resources, local participation, intergroup contacts, cultural interaction, and long-term orientations. These dimensions develop asynchronously: strong self-assessed language skills and settlement intentions coexist with limited participation in the local community. A migrant's country of origin belonging to the EAEU does not in itself determine everyday inclusion. The findings support combining legal mobility arrangements with local participation infrastructure and support for written literacy.*

Keywords: *labor migration, sociocultural integration, post-Soviet space, EAEU, host society.*

Трудовая мобильность на постсоветском пространстве формирует не только экономические потоки, но и устойчивые социальные связи между странами происхождения и российским принимающим обществом. Общность исторического опыта и сохранение русского языка как средства межэтнического общения создают заметный интеграционный ресурс. Вместе с тем близость культурных кодов не устраняет различий в правовом положении, жизненных стратегиях и доступе к локальным институтам. Поэтому евразийскую интеграцию важно изучать не только на уровне договоров и рынков труда, но и через повседневные практики мигрантов.

В исследовании интеграция понимается как открытый многомерный процесс, который нельзя свести к ассимиляции или к одному обобщённому индексу. Концептуальная рамка объединяет подходы, выделяющие социальные связи, доступ к институтам и культурную компетентность [1], аккумуляционные стратегии [2], а также возможность одновременной включённости человека в

несколько социальных пространств [3]. Такое понимание позволяет различать владение языком, участие в локальном сообществе, контакты с россиянами, обмен культурными практиками и планы дальнейшей жизни. Названные компоненты могут усиливать друг друга, но не обязаны изменяться с одинаковой скоростью [4].

Эмпирическую основу составил стандартизированный анкетный опрос 826 граждан Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана, проживавших в Москве и Московской области. Полевой этап проходил с декабря 2025 г. по март 2026 г. Выборка формировалась методом доступных случаев и «снежного кома»; страновые группы представлены относительно равномерно. Операционализация включала пять блоков: четыре вида речевой деятельности; участие в мероприятиях по месту жительства; состав круга общения; приглашение россиян на собственные праздники; семейные планы и намерение получить гражданство. Межстрановые различия оценивались с помощью критерия χ^2 Пирсона и коэффициента V Крамера. В силу неслучайного отбора результаты имеют поисковый характер и не могут быть распространены на всех мигрантов в России.

Первое измерение показывает внутреннюю неоднородность языкового ресурса. Высокие оценки по шкале от 1 до 5 дали 88,5% опрошенных по пониманию русской речи, 80,4% — по говорению, 72,9% — по чтению и 63,0% — по письму. Разница между пониманием и письмом составляет 25,5 процентного пункта. Следовательно, общий вопрос о «владении русским языком» скрывает наиболее уязвимую область — самостоятельную работу с письменным текстом. Именно она необходима при заполнении документов, чтении трудового договора и использовании цифровых государственных сервисов. При этом самооценки не заменяют языкового тестирования и характеризуют заявленную, а не объективно измеренную компетентность.

Наиболее слабым компонентом оказалось участие в жизни местного сообщества. Регулярно посещают мероприятия по месту жительства 9,1% ответивших, иногда — 32,5%; совокупная доля вовлечённых равна 41,7%. Не участвуют 40,4%, ещё 17,9% не знают о таких мероприятиях. Последняя доля принципиально важна: часть дистанции связана не с отказом от контакта, а с недостатком информации и доступных форматов. Следовательно, развитие локальной интеграции предполагает не только требования к мигрантам, но и действия муниципальных учреждений, работодателей, общественных организаций и районных сообществ.

Повседневные контакты распространены заметно шире организованного участия. С россиянами и земляками примерно поровну общаются 34,6% респондентов, преимущественно с россиянами — 23,1%. Таким образом, смешанный либо преимущественно российский круг общения имеют 57,7% ответивших. Одновременно 55,2% обращаются за поддержкой к местным жителям, а 54,1% — к соотечественникам. Эти стратегии не исключают друг друга: связи внутри мигрантской сети могут сосуществовать с включением в принимающую среду. Тем самым эмпирически подтверждается целесообразность разграничения социального и культурного аспектов интеграции [5].

Самостоятельным каналом сближения выступает культурное «мостостроительство». Россиян на семейные праздники или культурные события приглашают иногда 41,4% и часто 14,8% опрошенных; суммарный показатель составляет 56,2%. Такая практика фиксирует встречное движение: мигрант не только осваивает нормы принимающего общества, но и предлагает ему участие в собственной культурной жизни. Сохранение исходной культуры здесь не является признаком изоляции. Напротив, культурная идентичность может становиться ресурсом диалога, что соответствует интеграционной, а не ассимиляционной логике.

Долгосрочные ориентации выражены сильнее локальной вовлечённости. Остаться в России всей семьёй намерены 65,9% ответивших, а получить российское гражданство хотели бы 70,5%. Это соотношение позволяет рассматривать значительную часть опрошенных не как исключительно временную рабочую силу, а как потенциальных долгосрочных жителей. Вместе с тем намерение закрепиться ещё не означает реального изменения статуса. Главная асимметрия интеграционного профиля состоит в разрыве между жизненными планами и фактическим участием в локальной среде.

Сравнение страновых групп не выявило линейной зависимости между членством государства происхождения в ЕАЭС и уровнем социокультурной интеграции. Статистически выраженные различия обнаружены по разговорному русскому языку, составу круга общения, культурным приглашениям и желанию получить гражданство ($p < 0,001$), однако значения V Крамера находятся в интервале 0,167–0,257 и указывают на слабую либо умеренную связь. По локальному участию различия не подтверждены ($p = 0,123$), а по семейному закреплению результат пограничный ($p = 0,059$). Более того, разброс внутри группы стран ЕАЭС сопоставим с межгрупповым: например, смешанный или

преимущественно российский круг общения отмечен у 75,0% граждан Казахстана и у 43,7% граждан Кыргызстана.

Полученные данные позволяют различить институциональное и повседневное измерения евразийской интеграции. Союзный режим снижает правовые издержки трудовой мобильности для граждан государств-членов, однако сам по себе не создаёт доверия, устойчивых контактов и участия в жизни территории. Повседневная включённость зависит от сочетания образования, длительности пребывания, семейной ситуации, отрасли занятости, миграционных сетей и локальной инфраструктуры. Эти факторы в проведённом опросе не контролировались, поэтому страновые различия нельзя непосредственно приписывать действию правового режима.

Практические выводы исследования связаны с преодолением выявленных разрывов. Во-первых, языковую поддержку целесообразно ориентировать на письменную и функциональную грамотность, включая работу с договорами и электронными услугами. Во-вторых, требуется повысить доступность информации о районных мероприятиях и создавать форматы совместного участия мигрантов и местных жителей. В-третьих, необходимо поддерживать уже существующие горизонтальные практики: смешанные сети общения и взаимные приглашения на культурные события. Наконец, мониторинг евразийской мобильности следует дополнять социальными индикаторами, поскольку свобода доступа к рынку труда не равнозначна интеграции в принимающее общество [6].

Таким образом, социокультурная интеграция трудовых мигрантов из постсоветских стран имеет несинхронную структуру. Язык, межличностные контакты и долгосрочные намерения образуют значительный потенциал включения, тогда как локальное участие остаётся его слабым звеном. Евразийский контекст задаёт благоприятную институциональную рамку, но её социальный эффект зависит от механизмов, соединяющих мобильность с повседневной жизнью принимающих территорий. Поэтому результативная политика должна сочетать наднациональные правила с муниципальными инструментами участия, языковой поддержкой и развитием межгруппового взаимодействия.

Литература

1. *Ager A., Strang A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21, no. 2. P. 166–191. DOI: 10.1093/jrs/fen016.*

2. *Berry J.W.* Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology*. 1997. Vol. 46, no. 1. P. 5–34. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
3. *Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P.* The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22, no. 2. P. 217–237. DOI: 10.1080/014198799329468.
4. *Spencer S., Charsley K.* Reframing 'Integration': Acknowledging and Addressing Five Core Critiques // *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9. Art. 18. DOI: 10.1186/s40878-021-00226-4.
5. *Варшавер Е. А., Рочева А. Л.* Интеграция мигрантов: что это и какую роль в её осуществлении может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14, № 3. С. 315–330. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3258> (дата обращения: 08.09.2026).
6. *Осадчая Г. И., Волкова О. А., Вартанова М. Л. и др.* Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты: научный доклад / под общ. ред. Г. И. Осадчей. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024.

«ИГРАТЬ СВАДЬБУ» – СОВРЕМЕННАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАКОВ С. НОВОПОКРОВКА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Явнова Л. А., Бийск (Россия)

Аннотация. В условиях глобализации наблюдается живой интерес к национальной культуре, составной частью которой является культура казачества. Актуальность исследования обусловлена той значимостью, которой алтайское казачество играло и продолжает играть в социокультурных процессах страны, особенно в регионах, которые связаны с историческим расселением казаков. В статье представлены полевые практики презентации свадебного обряда казаков с. Новопокровка Быстроистокского района Алтайского края средствами этнографического туристического проекта. Реконструкция казачьей свадьбы организована как просветительская проекция, которая в свою очередь приносит местным казакам прибыль за счёт ремесленной и туристической деятельности. Этнический туризм содействует более тесным связям народов. К этой области относится развитие проекта «казачьи усадьбы», с помощью которого реализуется этнографический туризм на территории Алтайского края.